

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.
1747

Три века русской поэзии.
Составитель Николай Банников.
Москва: Просвещение, 1968.

* * *

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота,
И облаком нестись, презрев земную низкость.
1747

Примечания

Перевод отрывка из «Превращений» Публия Овидия Назона (43 до н. э.—18 н. э.)

Жизнь и Поэзия - Одно.
"Московский Рабочий", 1987.

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов отрада,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блестя с вечной высоты
На бисер, золото и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;

Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены¹
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не держайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека²,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,

Сомненная Нева рекла:
"Или я ныне позабылась
И с одного пути склонилась,
Которым прежде я текла?"

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки³,
К сему монарху говоря:
"Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды".
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком⁴!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина⁵,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана⁶ постыдилась
С своим искусством пред Невою!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!

Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстринной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить⁷.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;

Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежных весны;
Питаюсь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски⁸ копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предаётся
Драгой его металл из пор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов⁹
И быстрых разумом Невтонов¹⁰
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде¹¹.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.
Конец 1747

Примечания

Написана в год, когда Елизавета Петровна утвердила новый устав и штаты Академии наук, вдвое увеличив количество средств на ее нужды. Здесь же поэт прославляет мир, опасаясь новой войны, в которую Австрия, Англия и Голландия, воевавшие с Францией и Пруссией, втягивали Россию, требуя отправки русских войск к берегам Рейна. В этой оде особенно остро сказалось противоречие всего жанра похвальной оды — противоречие между его комплиментарностью и реальным политическим содержанием: поэт от имени Елизаветы прославляет «тишину», излагая свою собственную программу мира.

1. *Радостна премена...* — дворцовый переворот, приведший Елизавету на трон. [Обратно](#)

2. *Послал в Россию Человека...* — Петра I. [Обратно](#)

3. *Тогда божественны науки...* — речь идет об основанной Петром I Академии наук, открытой уже после его смерти в 1725 году. [Обратно](#)

4. *Завистливым отторжен роком...* — Петр I умер в 1725 году. [Обратно](#)
5. *Екатерина I (1684—1727)* — жена Петра I, российская императрица. [Обратно](#)
6. *Секвана* — латинское название Сены, намек на Парижскую Академию наук. [Обратно](#)
7. *Колумб Российский* — Витус Беринг (1681—1741) — русский мореплаватель. [Обратно](#)
8. *Верхи Рифейски...* — Урал. [Обратно](#)
9. *Платон (427—347 до н. э.)* — греческий философ. [Обратно](#)
10. *Ньютон* — Исаак Ньютон (1643—1727) — английский физик и математик. [Обратно](#)
11. *Науки юношей питают...* — строфа является стихотворным переводом фрагмента из речи римского оратора и политического деятеля Марка (106—43 до н. э.) в защиту поэта Архия (р. в 120 до н. э.). [Обратно](#)

**Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти т.
Москва: Детская литература, 1996.**

* * *

Ночную темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.
"Кто так стучится смело?" —
Со гневом я вскричал. —
"Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —
Чего ты утрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу".
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодные руки мямля,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
"Каков-то, — молвил, — лук,
В дожде, чать, повредился".
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал:
"Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой".

1747

Примечания

Переложение оды греческого поэта Анакреонта (ок. 570—478 до н. э.).

Мысль, вооруженная рифмами. изд.2е.

Поэтическая антология по истории русского стиха.

Составитель В.Е.Холшевников.

Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1967.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ, КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ, БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.
Лето 1761

Примечания

Вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Последний стих оригинален и звучит автобиографически: поэт сетует на свою зависимость (в том числе и материальную) от двора, на усталость от бесконечных просьб в период хлопот об университетской «привилегии».

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.

Москва: Правда, 1984.

НА СОЧЕТАНИЕ СТИХОВ РОССИЙСКИХ

Я мужа бодрого из давних лет имела,
Однако же вдовой без одного сидела.
Штивелий уверял, что муж мой худ и слаб,
Бессилен, подл, и стар, и дряхлой был арап;
Сказал, что у меня кривясь трясутся ноги
И нет мне никакой к супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова,
Не годна никуда, увечная вдова.
Однако ныне вся уверена Россия,
Что я красавица, Российска поэзия,
Что мой законный муж завидный молодец,
Кто сделал моему несчастью конец.
Между 1751 и 1753

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.

Москва: Правда, 1984.

* * *

Оставь, смущенный дух, презрение сует
И представляй себе благополучным свет.
Смотри, коль ясный день среди его сияет
И очи, и сердца, и мысли восхищает.
Ты в близости его меж множеством отрад:
Там волны, там ключи, там древ листья шумят;
У храма, у цветов, у счастливого леса

Ты видишь щедрю дочь Российского Зевеса.
Минерва по всему: в ней всех доброт союз
Приветствует Парнас и похваляет муз.
О вселюбезный Глас, животворяще Слово!
Я чувствую к стопам в себе стремленье ново.
Коль сильно Иппокрен в России потечет,
Когда напишется над ним Елисавет.
Лето 1761

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу брэнно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющихся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льетса радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743 (?)

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИАНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,-
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

* * *

Послушайте, прошу, что старому случилось,
 Когда ему гулять за благо рассудилось.
 Он ехал на осле, а следом парень шел;
 И только лишь с горы они спустились в дол,
 Прохожий осудил тотчас его на встрече:
 "Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?"
 Старик сошел с осла и сына посадил,
 И только лишь за ним десяток раз ступил,
 То люди **нач**али указывать перстами:
 "Такими вот весь свет наполнен дураками:
 Не можно ль на осле им ехать **обоим**?"
 Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
 Однако, чуть минул местечка половину,
 Весь рынок закричал: "Что мучишь так скотину?"
 Тогда старик осла домой поворотил
 И, скуки не стерпя, себе проговорил:
 "Как стану я смотреть на все людские речи,
 То будет и осла взвалить к себе на плечи".
 1747

Примечания

Вольный перевод отрывка из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осел».

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

* * *

Жениться хорошо, да много и досады.
 Я слова не скажу про женские наряды:
 Кто мил, на том всегда приятен и убор;
 Хоть правда, что при том и кошелек неспор.
 Всего несноснее противные советы,
 Упрямые слова и спорные ответы.
 Пример нам показал недавно мужичок,
 Которого жену в воде постигнул рок.
 Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
 Не усмотрел ли он, спросил утопшей следа.
 Сосед советовал вниз берегом идти:
 Что быстрина туда должна ее снести.
 Но он отвечивал: "Я, братец, признаваюсь,
 Что век она жила со мною вопреки;
 То истинно теперь о том не сомневаюсь,
 Что, потонув, она плыла против реки".
 1747

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

* * *

Лишь только дневной шум замолк,
 Надел пастушье платье волк
 И взял пастушей посох в лапу,

Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.
1747

Примечания

Подражание басне французского поэта Ж.Лафонтена (1621—1695) «Волк, ставший пастухом».

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

НА ШИШКИНА

Смеется и поет, он о звездах толкует,
То нюхает табак, то карт игру тасует,
То слушает у всех, со всеми говорит
И делает стихи наш друг архипиит!
Увенчан лавром был Марон за стихотворство,
Нам чем свою почтить за таково проворство?
Уж плохи для него лавровые венки,
Нельзя тем увенчать премудрые виски.
О чем я так тужу? он будет увенчан:
За грош один купить капусты лишь кочан.
<Конец 1740-х годов>

М.В.Ломоносов. Г.Р. Державин. Избранное.
Москва: Правда, 1984.

* * *

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь не чают.
Когда зоилова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однако ж осержусь! я встал, ищу обуха;
Уж поднял, я махну! а кто сидит тут? муха!
Как жаль мне для нее напрасного труда.
Бедняжка, ты летай, ты пой: мне нет вреда.

Первая половина ноября 1753

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Женился Стелл, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.
<Октябрь 1748>

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

К ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Спасибо за грибы, челом за ананас,
За вина сладкие; я рад, что не был квас.
Российско кушанье сразилось с перуанским,
А если бы и квас влился в кишки с шанпанским,
Те сделался бы в них такой же разговор,
Какой меж стряпчими в суде бывает спор.
Я думал уж и так, что в брюхо ... забился,
И, выпустить хотя, я чуть не надсадился.
<Между 1752 и 1753>

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Златой младых людей и беспечальной век
Кто хочет огорчить, тот сам не человек.
Такого в наши дни мы видим Балабана,
Бессильного младых и глупого тирана,
Которой полюбить всё право потерял
И для ради того против любви восстал.
Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
Вы веком пользуйтесь и грубостью ругайтесь.
И знайте, что чего теперь не смеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам.
Обиду вы свою напрасную отметите
И глупому в глаза насмешнику скажите:
"Не смейся, Балабан, смотря на наш наряд,
И к нам не подходи; ты, Балабан, женат,
Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на перву ночь свояком,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь.
Ты, всё то ведая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверх бедности и мочи,
Но если б чистой был Диане мил твой взгляд
И был бы, Балабан, ты сверх того женат,
То б ты на пудре спал и ел всегда помаду,
На беса б был похож и с переду и с заду.

Тогда б перед тобой и самой вертопрах
Как важной был Катон у всякого в глазах".
Вы всё то, не стыдясь, скажите Балабану,
Чтоб вас язвить забыл, свою лечил бы рану.
Первая половина ноября 1753

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве А всех доле остояться;
На Е, на О притом умеренность иметь;
Чрез У и через И с поспешностью лететь:
Чтоб оным нежному была приятность слуху,
А сими не принести несносной скуки уху.
Великая Москва в языке толь нежна,
Что А произносить за О велит она.
В музыке что распев, то над словами сила;
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы береги, но с силой берега,
И снеги без нее мы говорим снега.
Довольно кажут нам толь ясные доводы,
Что ищет наш язык везде от И свободы.
Или уж стало иль; коли уж стало коль;
Изволи ныне все везде твердят изволь.
За спиши спишь, и спать мы говорим за спати.
На что же, Трисотин, к нам тянешь И некстати?
Напрасно злобной сей ты предприял совет,
Чтоб, льстя тебе, когда российской принял свет
Свиньи визги вси и дикии и злыи
И истинныи ти, и лживыи и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попоранна от скота.
От яду твоего он сам себя избавит
И вред сей выплюнув, поверь, тебя заставит
Скончать твой скверной визг стонанием совы,
Негодным в русской стих и пропастным увы!
Первая половина ноября 1753

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

О СОМНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ БУКВЫ Г В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожие богини,
Бежущие всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкого гнезда,
Утодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа.
Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,

Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая!.. и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

Борода предорогая!.. и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

Борода предорогая!.. и т. д.

О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, ввали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.

Борода предорогая!.. и т. д.

Если правда, что планеты
Нашему подобны свету,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,

В трубе там того сожгут.

Борода предорогая!.. и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Борода предорогая!.. и т. д.

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать недостатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

Борода предорогая!.. и т. д.

Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.

Борода предорогая!.. и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.
Между концом 1756 и февралем 1757

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА

Главы 38, 39, 40 и 41

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно

Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал берегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли потряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?

От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Возри в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючий терн его охота
Безвредно попирает ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрый простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.
Между 1743 и началом 1751

**Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти т.
Москва: Детская литература, 1996.**

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

А н а к р е о н

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Л о м о н о с о в

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

А н а к р е о н

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Л о м о н о с о в

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,

Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоко
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

А н а к р е о н

Ода XI

Мне девушки сказали:
"Ты дожил старых лет",
И зеркало мне дали:
"Смотри, ты лыс и сед";
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Л о м о н о с о в

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
"Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь".
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его утрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножом он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упряжка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

А н а к р е о н

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,

С благовоением духов,
Буде способ есть таков.

Дай из рос в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок уместить
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображение мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Л о м о н о с о в

Ответ

Ты счастлив сею красотой
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,

Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображение сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.
Между 1756 и 1761

**Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти т.
Москва: Детская литература, 1996.**

* * *

Случились вместе два Астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птолемей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: "Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?"
Он дал такой ответ: "Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?"
Конец мая или июнь 1761

**Русские поэты. Антология русской поэзии в 6-ти т.
Москва: Детская литература, 1996.**

* * *

О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны,
Которы подо ртом висят у сатаны.
Ты видишь, он зато свирепствует и злится,
Дырявой красной нос, халдейска печь, дымится,
Огнем и жупелом исполнены усы,
О как бы хорошо коптить в них колбасы!
Козлята малые рождаются с бородами:
Коль много почтены они перед попами!
О польза, я одной из сих пустых бород
Недавно удобрял бесплодный огород.
Уже и прочие того ж себе желают
И принести плоды обильны обещают.
Чего не можно ждать от толь мохнатых лиц,
Где в тучной бороде премножество площац?

Сидят и меж собой, как люди, рассуждают,
Других с плочицами бород не признавают
И проклинают всех, кто молвит про козлов:
Возможно ль быть у них толь много волосов?
Весна 1757

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

ЗУБНИЦКОМУ

Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российской развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплюем мы на страм твоих поганых врак:
Уже за тридцать лет ты записной дурак;
Давно изгага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючие лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.
Хоть ложной святостью ты Бородой скрывался,
Пробин, на злость твою взирая, улыбался:
Учения его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни Борода.
Вторая половина 1757

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

[СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ В ПЕТЕРГОФЕ НА ПЕТРОВ ДЕНЬ 1759 ГОДА]

Взойди, веселый дух, на ону высоту,
Где видеть можно лет Петровых красоту,
Парящие простри на нынешней день мысли,
Желания к нему и плески все исчисли.
Между болот, валов и страшных всем врагов
Торги, суды, полки, и флот, и град готов.
Как с солнцем восстают к берегам Индейским воды,
Так в устья Невские лились к Петру народы.
Представь движение и ветвей, и зыбей,
Представить можешь шум от множества людей.
Бегут во след его, друг друга утесняют,
На чудные дела и на него взирают.
Несчетны тщатся тьмы вместиться в малый храм,
Равняют веку час и тесность небесам.
У всех в устах сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно с ним и умереть готовы.
Всеvyšний благодать и ныне к нам простер:
Мы видим в наши дни сих радостей пример.
Елисавет в лице Петрове почитаем,
На внука с правнуком, как на него, взираем.
Июнь или июль 1759

Примечания

Петров день был днем именин Петра I и великих князей Петра Федоровича и Павла Петровича, внука и правнука Петра I.

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.**

Ленинград: Советский писатель, 1986.

* * *

Фортуны вижу я в тебе или Венеру
И древнего дивлюсь художества примеру.
Богиня по всему, котора ты ни будь,
Ты руку щедрую потщила протянуть.
Когда Венера ты, то признаю готову
Любителю наук и знаний Воронцову
Златое яблоко отдать за доброту,
Что присудил тебе Парис за красоту.
Когда ж Фортуна ты, то верю несумненно,
Что счастье его пребудет непременно,
Что так недвижно ты установила круг,
Коль истинен патрон и коль он верен друг.
1759

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

ЗЛОБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ ГОСПОДИНА СУМАРОКОВА С ГОСПОДИНОМ ТРЕДИАКОВСКИМ

С Сотином, что за вздор? Аколаст примирился;
Конечно, третей член к ним, лешей, прилепился,
Дабы три фурии, втеснившись на Парнас,
Закрыли криком муз российских чистый глас.
Коль много раз театр казал насмех Сотина,
И у Аколаста он слыл всегда скотина.
Аколаст, злобствуя, всем уши раскричал;
Картавил, шепелял, качался и мигал,
Сотиновых стихов рассказывая скверность.
А ныне объявил любовь ему и верность,
Дабы Пробиновых хвалу унижить од,
Которы вознося российской чтит народ.
Чего не можешь ты начать, о! зависть злая,
Но истина стоит недвижима святая.
Коль зол, коль лжив, коль подл Аколаст и Сотин,
Того не знает лишь их гордой нрав один.
Аколаст написал: «Сотин лишь врать способен»,
А ныне доказал, что сам ему подобен.
Кто быть желает нем и слушать наглых врак,
Меж самохвалами с умом прослыть дурак,
Сдружись с сей парочкой: кто хочет с ними знаться,
Тот думай, каково в крапиву испражняться.
1759

Примечания
См. [Тредиаковский](#) и [Сумароков](#).

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

К ПАХОМИЮ

Пахомей говорит, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совесть будь готова.
Ты будешь казнодей, лишь только стань попом
И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом.

Начто риторику совсем пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василий, Златоуст, церковные столпы,
Учились долее, как нынешни попы.
Гомера, Пиндара, Димосфена читали
И проповедь свою их штилем предлагали,
Натуру, общую всей прочей твари мать,
Небес, земли, морей, старались испытать;
Дабы творца чрез то по мере сил постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть,
Не ставили за стыд из басен выбирать,
Чем к праведным делам возможно преклонять.
Ты словом божим незнанье закрываешь
И больше тех мужей у нас быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст!
Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.
Нам слово божие чувствительно, любезно,
И лишь во рте твоём бессильно, бесполезно.
Нравоучением преславной Телемак
Стократ полезнее твоих нескладных врак.
1759 (?)

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

ЭПИТАФИЯ

Под сею кочкою оплачь, прохожей, пчелку,
Что не ленилася по мед летать на стрелку,
Из губ подъяческих там сладости собирать:
Кутья у них стоит, коль хочешь поминать.
<Первая половина 1760>

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Богиня, дочь божеств, науки основавших
И приращенье их тебе в наследство давших,
Ты шествуешь по их божественным стопам,
Распростираючи щедроты светлость нам.
Мы, признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда в трудах своих спокойны;
Но только к славе сей того недостает,
Чтоб милость к нам твою увидел ясно свет.
Дабы признали все народы и языки,
Коль мирные твои дела в войну велики.
Дабы украшенный твоей рукой Парнас
Любителей наук призвать возвысил глас
И, славным именем гремя Елисаветы,
При лике их расторг завистников наветы.
Теперь Германия войной возмущена,
Рыдания, и слез, и ужаса полна;
За собственных сынов с парнасскими цветами
Питает сопостат с кровавыми мечами.
Любитель тишины, собор драгих наук,
Защиты крепкия от бранных ищет рук.
О коль велики им отрады и утехи:
Восследуют и нам в учениях успехи

И славной слух, когда твой университет
О имени твоём под солнцем процветет,
Тобою данными красясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отсюда притекут
К наукам прилагать в Петрове граде труд.
Петрова ревность к ним, любовь Екатерины,
И щедрости твои воздвигнут здесь Афины.
Приемлемые в них учены пришлецы
Расширят о тебе в подсолнечной концы,
Коль милосерда ты, коль счастлива Россия,
Что царствуют с тобой в ней времена златяя!
Рушитель знания, свирепой брани звук
Под скипетром твоим защитник стал наук,
Что выше мнения сквозь дым, сквозь прах восходят,
Их к удивлению, нас к радости приводят.
Мы сооружим похвал тебе, Минерве, храм,
В приличность по твоим божественным делам;
В российски древности, в Натуры тайны вникнем
И тьмами уст твои достоинства воскликнем.
Коль счастлив оной день, коль счастлив буду я,
Когда я, среди российских муз стоя,
Благодеяние твое представлю ново.
Великостью его о как возвышу слово!
Тогда мой средственной в российской речи дар
В благодарении сугубой примет жар.
Когда внимания сей глас мой удостоишь
И искренних сердец желанья успокоишь,
Ты новы силы нам, богиня, подаришь,
Драгое Отчество сугубо просветишь.
Сие исполнится немногими чертами,
Когда рука твоя ущедрится над нами:
Для славы твоея, для общего плода,
Не могут милости быть рано никогда.
Первая половина февраля 1761

Примечания

Речь идет о подписании Елизаветой «привилегии» для Академического университета.

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренья;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.
Конец мая или июнь 1761

Примечания

Вольное переложение первых 11 строк сатиры Клавдиана (365—408) «Против Руфина».

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

СВИНЬЯ В ЛИСЬЕЙ КОЖЕ

Надела на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляя рожу,
Моргала,
Таскала длинной хвост и, как лиса, ступала;
Итак, во всем она с лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной свинье недостает:
Натура смысла всем свиньям не подает.
Но где ж могла свинья лисицы кожу взять?
Нетрудно то сказать.
Лисица всем зверям подобно умирает,
Когда она себе найти, где есть, не знает.
И люди с голоду на свете много мрут,
А паче те, которы врут.
Таким от рока суд бывает,
Он хлеб их отымает
И путь им ко вранью тем вечно пресекает.
В наряде сем везде пошла свинья бродить
И стала всех бранить.
Лисицам всем прямым, ругаясь, говорила:
«Натура-де меня одну лисой родила,
А вы-де все ноги не стоите моей,
Затем что родились от подлых вы свиней.
Теперя в гости я сидеть ко льву собираюсь,
Лишь с ним я повिдаюсь,
Ему я буду друг,
Не делая услуг.
Он будет сам стоять, а я у него лягу.
Неужто он меня так примет как бродягу?»
Дорогою свинья вела с собою речь:
«Не думаю, чтоб лев позволил мне там лечь,
Где все пред ним стоят знатнейши света звери;
Однако в те же двери
И я к нему войду.
Я стану перед ним, как знатной зверь, в виду».
Пришла пред льва свинья и милости просила,
Хоть подлая и тварь, но много говорила,
Однако всё врала,
И с глупости она ослом льва назвала.
Не вшел тем лев
Во гнев.
С презреньем на нее он глядя рассмеялся
И так ей говорил:
«Я мало бы тужил,
Когда б с тобой, свинья, вовеки не видался;
Тотчас знал я,
Что ты свинья,
Так тщетно тщила ты лисою подбегать,
Чтоб врать.
Родился я во свет не для свиных поклонов;
Я не страшуся громов,
Нет в свете сем того, что б мой смутило дух.
Была б ты не свинья,
Так знала бы, кто я,
И знала б, обо мне какой свет носит слух».
И так наша свинья пред львом не полежала,
Пошла домой с стыдом, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала
И в ярости себя стократно проклинала,
Потом сказала:

«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел всегда в грязи валяться».
1761

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в галланской сыр.
1761 - март 1762

Примечания

Вольный перевод первых четырех стихов басни Лафонтена «Крыса, отрешившаяся от мира». Отклик на актуальную в эпоху Семилетней войны проблему обращения части доходов с монастырских имений в пользу истощенного войной государства.

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

* * *

Блаженство общества всядневно возрастает;
Монархиня труды к трудам соединяет.
Стараясь о добре великих нам отрад,
О воспитании печется малых чад;
Дабы, что в Отчестве оставлено презренно,
Приобрело ему сокровище бесценно;
И чтоб из тяжкого для общества числа
Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите с радостью полезному питомству:
Похвально дело есть убогих приизирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласит, повелевает вера.
Внемлите важности монаршего примера:
Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за ней.
Начало сентября 1763

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

ПИСЬМО К ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплют в мир;
Надежда радостью кончается в народе;
Натура смертным всем открыла общий пир.
Созревшие плоды древа отягощают
И кажут солнечным румянец свой лучам!
И руку жадную пригожеством привлекают;
Что снят своей рукой, тот слаще плод устам.
Сие довольствие и красота всеместна
Не токмо жителям обильнейших полей
Полезной роскошью является прелестна,

Богинь влечет она приятностью своей.
Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,
Где хитрость мастерства, преодолев природу,
Осенним дням дает весны прекрасной вид
И принуждает вверх скакать высоко воду,
Хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит.
Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.
Ты, будучи в местах, где нежность обитает,
Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды,
Вспомяни, что мой покоя дух не знает,
Вспомяни мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь¹;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ишу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслажусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.
18 августа 1750

Примечания

Шувалов (1727—1797) — камергер, фаворит Елизаветы Петровны, куратор Московского университета. В день написания послания — 18 августа — он выезжал в Сарское Село вместе с императрицей. А через 9 дней — 27 августа — [Ломоносову](#) была оказана милость, на которую он ответил одой. Письмо к Шувалову — напоминание о какой-то просьбе поэта, очевидно, выполненной.

1. *Меж стен и при огне...* — Речь идет о трудах Ломоносова в Химической лаборатории Академии наук, открытой в 1748 году. [Обратно](#)

М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА К ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ-ПОРУЧИКУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАМЕРГЕРУ, МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ И ОРДЕНУ БЕЛОГО ОРЛА, СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕР

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских гор спускаюсь;
И ныне от нее на верх их возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я счастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огонь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.
С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубине, под тягостью земною,

Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В котеры Океан на брань к нему входил.
Напрягся мышцами и рамена подвинул
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменялся день.
Не баснотворного здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса¹;
Но Этна правде сей свидетель вечный нам,
Которая дала путь чудным сим родам.
Из ней разжженная река текла в пучину,
И свет, отчаясь, мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец².
Прогнали долгу ночь и жар свой погасили
И Солнцу ясному рождение открыли.
Но что ж от недр земных родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев, смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам счастливо:
Из чистого Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого лъзя видеть сквозь, тот подлинно не лъстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу;
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! сие твоих достоинств лишь начало,
Которым мастерство тебе с природой дало.

Исполнен слабостями наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки,
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличные лекарства предписать;
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
В Стекле одном оне безвредны пребывают,
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу:
Какую надлежит ему принести хвалу!
Хоть вместо оного замысловаты хины
Сосуды составлять нашли из чистой глины;
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобратив в Фарфор,
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают.
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и всё, что есть прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес³
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти⁴, Мозаики,
Которы ввек хранят геройских бодрость лиц,

Приятность нежную и красоту девиц;
Через множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистойвой свирепствуя борей
Стиснует мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толстые стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть.
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть,
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом как человек зимой стал безопасен,
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад;
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимю за Стеклом цветы хранятся живы;
Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, любитель муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И музы с оными единого сродства;
Подобна в них краса и нежные слова.
Счастливой младостью твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренести не возбранят.
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше всё старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи, Стекло употребля.
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда них Стеклом цветки наведены.
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росю.

Во светлых зданях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила;
Вы также украшать желаете себя.
За тем прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другие времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют,
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блестящий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!
Так в бисере Стекло подобяся жемчугу,

Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,
Им красится арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простак,
Что там драгой металл из серебряной реки
Дают европейскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчетно,
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.
Им оны времена не будут век забвенны,
Как пали их отцы для злата побиенны.
О коль ужасно зло! на то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепого врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены подают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тираны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные! или поистине блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук!

Оставив кастиллан⁵ невинность так попанну,
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам борей, подняв пучину,
Навел их животу и варварству кончину,
Погрязли в глубине, с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.
То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до берегов желанных достигали.
О коль великой вред! от зла рождалось зло!
Виною толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем,

Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огонь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, зная хотя, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
Предерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал.
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем⁶.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курум табак⁷;
И только лишь о том мы думаем, жалея,
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воют многократно,
Чем много знания погибло не возвратно⁸!
Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом⁹
Не назван был в суде неистовым Гигантом⁹,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести;
Дерзнувшим научать, что все домашни боги
Терпят великой труд всегдашния дороги;
Вертится вкруг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
И неподвижная земли богиня Веста
К упокою сискать не может места.
Под видом ложным сих почтения богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единого творца весь мир сей сотворила;
Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;
Что агнцев и волов жрецы едят напрасно;
Сие одно, сие казалось быть опасно.

Оттоле землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
Запутан циклами¹⁰, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В середине всех планет он солнце положил,
Сугубое земли движение открыл.
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет,
Он циклы истинной Системой растерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении¹¹, Кеплеры и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит кроме его такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, божий некогда описывая град,
Вечерний Августин душою веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
Под нами б жителей как здесь не отрицал¹²,
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной католик,
Кады златой его в костелах новых лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градусов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении не прав;
Он слово божие употреблял напрасно.
В Системе света вы то ж делаете властно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы его щедрот достойны зримся,
Тем больше благодсти и милости чудимся.
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны,
Поставлены творцем; другие невозможны.

В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оног конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не достигает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем он наполнил понт, и воздух, и леса.
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно;
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл,
Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? уже в Стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил:
Чрез то ж откроется в погодах разность сил.
Коль могут счастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной ни дождь опасен в поле?
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам,
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целой год едва бы мне достал.
Затем уже слова похвальны оставляю,
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.
Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум;
От гневного часа желает где б укрыться;
Причины оног исследовать страшится.
Дабы истолковать что молния и гром,
Такие мысли все считает он грехом.
На бич, он говорит, я посмотреть не смею,
Когда грозит отец нам яростью своею.
Но как он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не разлился?
Подобно надлежит о громе рассуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,
Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,

Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стекланный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственны сверканием и треском.
Дивился сходству ум; но, видя малость сил,
До лета прошлого сомнителен в том был;
Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи;
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел;
И видел часто в том успехи вожделены.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила туч гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что зная правила, изысканны Стеклом,
Мы можем отворотить от храмин наших гром.
Единство оных сил доказано стократно:
Мы лета ныне ждем приятного обратно.
Тогда о истине Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас¹³?
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Хотя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златые времена! о кроткие законы!
Народу своему прощает миллионы¹⁴;
И пользу общую отечества прозя,
Учению велит расшириться в моря,
Умножив бодрость в нем щедротою своею!
А ты, о Меценат¹⁵, предстательством пред нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
Тебе похвальны все приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ее кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животворится духом!
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.
Кто склонность в счастья и доброту являет,
Тот счастье себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в тебе и хвалит обое,
И небо чаемых покажет сбытие.

Декабрь 1752

Примечания

Образец «научной поэзии» [Ломоносова](#). Написана эта, по сути, просветительская поэма в форме дружеского послания к И.И.Шувалову. Поэма Ломоносова утверждала единство поэта и ученого, отражала стремление к популяризации передовых естественнонаучных представлений.

1. *Две ночи сложены в едину от Зевеса...* — согласно древнегреческому мифу, Зевс, желая продлить свидание с Алкменой, матерью Геракла, слил две ночи в одну. [Обратно](#)

2. *Довольна чадом мать, доволен им отец.* — Под «матерью» подразумевалась «натура» — природа, под «отцом» — огонь. Вулканическое «стекло» образовывалось из остывшей лавы после извержения вулкана Этны. [Обратно](#)

3. *Апеллес* (356—308 до н. э.) — древнегреческий живописец. [Обратно](#)

4. *Финифти* — род эмали. [Обратно](#)

5. *Кастиллан* — житель испанской провинции Кастилии, здесь: конкистадор. [Обратно](#)

6. *И Прометей тем безбедно подражаем.* — Образ Прометей становится для Ломоносова символом многовековой борьбы науки и суеверия. [Обратно](#)

7. *Небесным без труда огнем курим табак...* — Речь идет о зажигательных стеклах. [Обратно](#)
8. *Что зависть, скрыв себя под святости покров...* — Антиклерикальные мотивы стихотворения вызваны участвовавшими с конца 40-х годов выпадами церковной цензуры против науки. [Обратно](#)
9. *Аристарх* (конец IV — первая половина III в. до н.э.) — греческий астроном, первый высказал мысль о вращении Земли вокруг своей оси и Солнца. Стоик Клеант обвинил его в нарушении покоя богов и сравнил с гигантами, воевавшими против богов. [Обратно](#)
10. *Запутан циклами...* — По этим «циклам» (кругам), по мнению древних, двигались планеты. [Обратно](#)
11. *Гугений* — Гейгенс (Гюйгенс) (1629—1695) — голландский ученый. Им были открыты кольца вокруг планеты Сатурн. Его книга «Космотеорос», знакомившая с учением Коперника, появилась в русском переводе в 1717 году. Кеплер (1571—1630), немецкий ученый, доказал, что планеты движутся вокруг Солнца по эллипсам. [Обратно](#)
12. *Августин* (354—430), глава западного («вечернего») богословия, в книге «О граде божием» отрицал существование антиподов, то есть людей, живущих на другом полушарии. [Обратно](#)
13. *Ужасным будет ли безбеден грома глас?* — Речь идет об изобретении громоотвода. [Обратно](#)
14. *Народу своему прощает миллионы...* — Указ 1752 года об отмене недоимок подушного сбора. [Обратно](#)
15. *Меценат* (ум. в 8 до н. э.) — древнеримский вельможа, покровитель литературы и искусства; здесь: И.И.Шувалов. [Обратно](#)

М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.

**ОДА БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТИ
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
АННЕ ИОАННОВНЕ
НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ
И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА**

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валяются.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,

Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрый ток на огонь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи – равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной, в последни видя зорю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустишь поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях

Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак, Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целый свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль русская ужасна сила.

Вливаясь в понт, Дунай ревет
И россов плеску отвечает;
Ярсь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?

Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на росский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность вносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ея заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярясь, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;

И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот,—
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.
Между сентябрем и декабрем 1739

**М.В. Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**

**ОДА, КОТОРУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ВЫСОКОГО РОЖДЕНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕГО
ДЕРЖАВНЕЙШЕГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИОАННА ТРЕТИЕГО, ИМПЕРАТОРА II САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКОГО, 1741 ГОДА АВГУСТА 12 ДНЯ ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ РОССИЯ ПРОИЗНОСИТ**

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплы рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.
Всегдашним льдом покрыты волны,
Скачите нынь, веселья полны,
В берегах чините весел шум.
Повсюду вейте, ветры, радость,
В Неве пролейся меда сладость:
Иоаннов нектар пьет мой ум.

Однако нет, мои пределы,
Смущать не смейте младой слух.
Холмов верьхи полночных белы,
Откуда веет хладной дух,
В любви со страхом тихо тайте,
Покой моей надежде дайте.
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите,
Под мой лишь низкой стих журчите.
Умолкни запад, север, восток.

Породы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Аврора ясна,
Монарх, Младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе низжайшей
В твой новой год петь стих тишайшей.
Чем больше я росой кроплюсь,
С Парнасских что верьхов стекает,
Жарчае тем любовь пылает,
К тебе сильняе той палюсь.

Целую вас, вы, щедры очи,
Небесной в коих блещет луч.
Как дни, при вас светлы мне ночи,
Чист воздух мне во время туч.
Послушны вам стихии сами.
Пресекся вихрей бег с громами
(Коль счастлив сих восход планет)!

От вас мои нагреты груди,
И ваши все подданны люди,
Что просят вам несчетных лет.
Целую ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага.
От теплых уж берегов азийских
Вселенной часть до вод Балтийских
В объятии вашем вся лежит.
Лишь только перстик ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг сберется,
Готов идти куда велит.

Вы, ножки, что лобзать желают
Давно уста высоких лиц,
Подданства знаки вам являют
Языки многи, павши ниц,
В Петров и Аннин след вступите,
Противных дерзость всех стопчите;
Прямой покажет правда путь;
Вас храбрость над луной поставит
И в тех землях меня прославит,
О коих ныне нигде нечуть.

Земля, пусти таки цветочки,
Сдвинься Флоре чтоб самой;
Жемчуга б чище их листочки,
И злато б ниже тех ценой.
Приятной дух дай им Цейлонов.
Натура, выше встань законов,
Роди, что выше сил твоих.
С весельем, нимфы, те щиплите
И с лавром их в венцы сплетите,
Во знак побед, утех драгих.

Господствуй, радость, ты едина
Над властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаешь как, что враг погран
Твоих удачами славных дедов,
Что страшны те у всех соседей;
Заплачешь как Филиппов сын;
Ревнивы слезы будут литься.
Но твой весельем плач окончится.
Монарх! то было лишь почин.

Что сердце так мое пронзает?
Не дерзк ли то гигант шумит?
Не горы ль с мест своих толкает?
Холмы сорвавши, в твердь разит?
Края небес уже трясутся!
Пути обычны звезд мятутся!
Никак ярится Антей злой!
Не Пинд ли он на Оссу ставит?
А Этна верьх Кавказской давит?
Не Солнце ль хочет снять рукой?

Проклята гордость, злоба, дерзость
В чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,

Превысить хочет вышню власть,
На мой живот уж зубы скалит;
Злодейства кто его не хвалит,
Погрязнет скоро в мрачну пасть.

Но зрю с весельем чудо славно,
Дивные, неж Алцид чинил,
Как он лишь был рожден недавно,
Скрутив змиям главы сломил.
Мой император гром примаает,
На гордость свой перун бросает;
Внезапно пала та стремглав
С небес как древня в ад денница;
За рай уж держит ту темница.
Ну, где же твой кичливой нрав?

Исчезли все затеи лишны,
Ужасных нет во мне премен;
Везде веселы клики слышны:
Монарх наш сильных двух колен.
Одно мое, чем я толь славна;
Россиян храбрость где не явна?
Друго германско, с коим Рим
Войну едва дерзал начати,
Весь свет побив, не мог стояти
В бою, тейтон, с полком твоим.

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил князей советом сбор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Могли б которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три князья у нас.

Не славны ль стали их потомки?
Велик был Игорь, хоть и млад;
Дела его при Понте звонки,
Дрожал пред ним и сам Царьград.
Устроил внук меня красняе,
Открыл мне полдня свет ясняе,
Кумиров мерзких мрак прогнал.
Ревнив Донской что Дмитрей деет?
Татарска кровь в Дону багреет;
Мамай, куда б уйти, не знал.

Молчу заслуги, что недавно
Чинила царска мне любовь.
Твое коль, Рурик, племя славно!
Коль мне твоя полезна кровь!
Оттуду ж нынъ взошло Светило,
Откуда прежде счастье было.
Спешите скоро те лета,
Когда увижу, что желяю.
О младом Свете больше чаю,
Неж предков слава мне дала.

С желаньем радость чувства долит;
Пронзает очи странен луч!
Незнаем шум мой слух неволит,
Вручает вечность мне свой ключ.

Отмкнулась дверь, поля открылись,
Пределов нет, где б те кончились.
Полков лишь наших слышен плеск.
От устья быстрых струй Дунайских
До самых узких мест ахайских
Меча российска виден блеск.

Боязнь трясет хинейски стены,
Геон и Тигр теряют путь,
Под горы льются, полны пены.
Всегдашней восток не смеет дуть.
Индийских трубят вод тритоны
Пред тем, что им дает законы.
Он скиптр склонил среди валов,
Упал пред младым ниц героем,
Что молвил, войск идя пред строем:
«Сколь много есть впереди светов?»

Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?
Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю.
Твои щедроты, боже, знаю,
Что пролил ты во мне пред сим.
Твоей главу покрой рукою,
Котору ты мне дал к покою,
К веселью людям всем твоим.

Надежда, свет, покров, богиня
Над пятой частью всей земли,
Велика севера княгиня,
Языков больше двадцати,
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тех держишь другою,
Любовь моих, противных страх,
Воззри на то прещедрым оком,
В подданстве ревность что глубокою
Воспеть дерзнула в сих стопах.

Хотя б Гомер, стихом парящий,
Что древних эллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огонь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойти б нашел препятство;
Бессловен был его б язык
К хвале твоих доброт прехвальных
И к славе, что в пределах дальных
Гремит, коль разум твой велик.

Торжествен шум мой глас скрывает,
Скончать некрасной стих пора.
Однако мысль тебе желает
Несчетных благ от всех творца
С твоим светлейшим ввек супругом,
Всего которой света кругом
Достоин толь, как ты, владеть.
Дай Бог! драго чтоб ваше племя
Во мне простерлось в вечно время
И вам сыновних внуков зреть.

Между 8 июня и 12 августа 1741

**М.В.Ломоносов. Избранные произведения.
Библиотека поэта. Большая серия, 3-е изд.
Ленинград: Советский писатель, 1986.**